

УТВЕРЖДАЮ

Директор Федерального государственного
бюджетного учреждения науки
Института филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
д. филол. н., проф. И. В. Силантьев

«05» сентября 2019 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации федерального государственного бюджетного учреждения
науки Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук
о диссертационной работе

Надежды Баировны Даржаевой «Квазисинонимические обстоятельственные
конструкции в бурятском языке», представленной на соискание ученой степени
доктора филологических наук по специальности 10.02.02 – Языки народов
Российской Федерации (урало-алтайские языки)

Диссертационное исследование Надежды Баировны Даржаевой посвящено описанию микрогрупп конструкций, выражающих близкие значения в блоке полипредикативных предложений обстоятельственного типа. Особо подчеркнем, что за последние десять лет на фоне общего ослабления научного интереса к синтаксической проблематике сибирских языков данная работа очень востребована.

Научная новизна данной работы заключается в том, что впервые на материале бурятского языка на уровне сложного предложения проведено специальное исследование семантики очень близких конструкций, в разных контекстах передающих разные оттенки смыслов. Выделены два вида параметров дифференциации: экстралингвистический и семантический.

Актуальность диссертации несомненна. Она определяется недостаточностью исследований парадигматических отношений между синонимическими полипредикативными конструкциями не только в бурятоведении, но и в других языках. Детальный семантический анализ синтаксических конструкций отражает современное состояние бурятского языка, его специфический и уникальный синтаксис сложного предложения.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что это первая работа, целью которой является выявление специфической для бурятского языка последовательной дифференциации синонимических полипредикативных конструкций. В работе используются методы функциональной и структурной лингвистики, методы, разработанные в лексической семантике и лексикографии; при описании синтаксических конструкций автор обращается к семантическому синтаксису.

Работа имеет несомненную **практическую значимость**. Результаты и материалы исследования будут полезны при составлении синтаксических словарей, учебников и учебно-методических пособий, а также могут быть использованы в лекционных и специальных курсах по синтаксису сложного предложения в бурятском языке.

Исследование Н. Б. Даржаевой строится на значительном **языковом материале**, объемом более 15000 примеров обстоятельственной семантики: из периодических изданий, оригинальных художественных произведений, использованы экспедиционные материалы автора.

Структура работы. Работа состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованной литературы, двух приложений, включающих список сокращений и семантические типы обстоятельственных полипредикативных конструкций (ППК).

Во **Введении** обосновывается выбор темы, определяются ее актуальность и научная новизна, теоретическая и практическая ценность, ставятся цель и задачи исследования, изложены подходы и методы, использованные в работе, методологическая база, сформулированы положения, выносимые на защиту. Всего на защиту вынесено восемь положений, имеющих общетеоретический характер и обобщающих новую информацию, полученную при анализе бурятских ППК, входящих в семантический блок обстоятельственных конструкций.

Цель диссертационного исследования – выявление оснований-оппозиций, формирующих систему отношений между квазисинонимическими ППК. Для достижения поставленной цели, формулируется шесть задач.

Из восьми положений, выносимых на защиту, четыре (второе, четвертое, пятое и седьмое) отражают особенности, присущие именно бурятскому синтаксису. Во втором положении представлены квазисинонимические грамматикализованные конструкции общего следования и общего предшествования. В четвертом положении отмечается корреляция между степенью специализации конструкции и частотностью употребления: чем уже специализация конструкции, тем реже она употребляется. В пятом постулируется роль причастно-последложных конструкций в выражении обстоятельственных отношений. В седьмом отмечена специфика бурятского языка, состоящая в том, что в системе обстоятельственных ППК существенную роль играет оценка.

В положении № 8, очень пространным, Надежда Баировна попыталась изложить уже известную из работ предшественников структурную характеристику бурятских ППК [см., например, Е. К. Скрибник 1988], что, на наш взгляд, не вполне уместно как положение для защиты в данной работе.

В первой главе «Синтаксическая синонимия: история изучения и исследовательские проблемы» систематизированы существующие подходы к исследованию синтаксической синонимии и изложена история изучения данного вопроса; указаны методы анализа, основные термины и понятия, используемые в современных работах по синтаксической семантике. Автор, опираясь на разработки предыдущих исследователей по русской лексикологии, определяет полипредикативные конструкции бурятского языка, выражающие одно и то же синтаксическое значение, используя термин (квази)синонимия. В работе предлагается алгоритм описания выявленных синонимичных конструкций бурятского языка. Заметим, что в том или ином виде, подобный алгоритм использовался при описании структурных и семантических типов ППК сибирских языков, а также казахского и киргизского [см. работы: Н. Н. Ефремов [1984] – якутский язык, М. В. Оюн [1998] – тувинский, Т. Н. Боргоякова [1987] – хакасский, О. Д. Абумова [2013] – хакасский; С. Ж. Тажибаева [2001] – казахский, в коллективной монографии новосибирских синтаксистов «Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем» [1986].

Диссертант дифференцирует синтаксические синонимы по двум основным параметрам: стилистическому и семантическому, включающим анализ стилевой и диалектной принадлежности (стилистический параметр); и анализ составляющих элементов конструкции, контекстов ее употребления, несоответствие ожиданиям и др. (семантический параметр) (см. дисс. с. 12). Надежда Баировна отмечает (дисс. с. 13), что «проверялись также параметры, описанные для других языков, прежде всего русского, а также данные из типологических работ – Dixon, Aikhenvald [2009], Hetterle [2015], Thompson & Longacre [2007/1995]».

Следующие четыре главы посвящены анализу бурятских квазисинонимических конструкций в традиционно выявляемых семантических типах ППК.

Во второй главе «Дифференциация квазисинонимических темпоральных конструкций» (дисс. с. 51-131) каждый семантический подтип (следование, предшествование, одновременность) характеризуется наличием нескольких микрогрупп. По значению эти микрогруппы подразделены далее на более мелкие группы, которые

включают наборы разноструктурных квазисинонимических конструкций. Описаны значения и оттенки значений; квазисинонимические конструкции проверялись на диалектную и стилевую принадлежность, а также архаичность.

На фоне рассуждений общего характера автор делает выводы о стилистически маркированных конструкциях; о выделении дополнительного параметра «несоответствие ожиданиям ('после того как А, неожиданно Б')». Среди семантических параметров актуальными оказались охарактеризованность / неохарактеризованность временного интервала и предела, приблизительности, размытости, скоротечности / длительности, интенсивности и динамичности, а также ограничения в лексико-грамматическом наполнении конструкции и функциональные специализации. Способность конструкции строить моносубъектные / разносубъектные фразы также послужила дифференцирующим признаком. Результаты семантической классификации и дифференциации квазисинонимических конструкций следования отражены в схеме 2 (дисс. с. 76).

Как показывает опыт исследования сибирских языков, такого рода схемы, оказываются типологически сходными. Так, семантическая классификация темпоральных ППК якутского языка, разработанная Н. Н. Ефремовым [Ефремов 1984: 72], аналогична классификации, построенной для тувинского языка [Шамина 1987: 98-99]. Очевидно, что наполнение соответствующих семантических групп конкретными моделями проявляются существенные различия языков. Мы имеем в виду характер наполнения групп, его «плотность», характер оппозиций между моделями. В языках базовое значение модифицируется в разной степени, и это дает возможность более тонко дифференцировать финальные группы за рамками приведенной схемы для разных языков Сибири.

Анализ других конструкций одновременности и одновременности проведен в том же ключе, что и конструкции следования. Автор выделяет четвертый тип темпоральных отношений – отношение «междувременности» (дисс. с. 127) («интертемпоральности»), когда главное действие происходит между двумя зависимыми. Здесь нужна структурная характеристика ППК. На наш взгляд, в тувинском служебное имя *аразында* 'между, во время', в якутском *быыһыгар* 'во время' выражают значение частичной одновременности.

Приведем один из бурятских примеров на с. 129 диссертации:

(97) *Морин-ой-нгоо ама тата-жа байлга-ха хооронд-оо хаихар-ба* 'Он закричал в то время, когда, натягивая узду, останавливал лошадь' (БРС – 73, 587).

Ср. якутский [Ефремов 1984:46]: *Дьахталлар ардах сэллирин быыһыгар, охсо сылдыбыттара* 'В тех промежутках времени, когда утихал дождь, женщины продолжали косить' (ограничительная одновременность).

Как отмечает Н. Н. Ефремов, и мы с ним согласны, «разносубъектные предложения с $Tv=ар + // быыһыгар$ всегда эксплицируют ограничительную одновременность, тогда как моносубъектные построения этой же модели в зависимости от семантики послелого ('между', 'в то время' могут репрезентировать и отношения несколько иного характера)» [Ефремов 1984: 46.].

Ср. еще и тувинский: *Ававыс тарааны челбин олур=ган аразында, бис кургаг талдар чыып оттулгаач, отка алгый тин кагдывыс* (СТ, с. 33) 'Пока наша мать веяла зерно, мы, собрав сухой тальник, растопили, на огонь небольшую чашу поставили.'

Рассмотренные нами примеры в якутском и тувинском языках аналогичны бурятским (см. дисс. с. 127-129) и иллюстрируют отношения частичной ограничительной одновременности: события недлительные вписываются в длительное событие и протекают на его фоне. Трудно осмыслить семантику междувременности в бурятском языке. Вопрос о том, правомерно ли выделение отношений междувременности в бурятском, решать, конечно, диссертанту.

Третья глава «Дифференциация квазисинонимических конструкций обусловленности» (с. 131-209) содержит аналогичную схему описания ППК: выделяются центр и периферия конструкций обусловленности. Стилистически среди

квазисинонимичных конструкций нейтральной причины различаются конструкции с послелогоми и служебными именами (последние встречаются в разговорной речи). В большинстве специализированных причинных конструкций автор отмечает присутствие семы позитивной или негативной оценки события, осложняющей базовое значение причины. В данной главе так же, как и предыдущей, диссертант пытается обнаружить в каждой конструкции специфичный оттенок, уникальное свойство, отличающее ее от других квазисинонимичных конструкций.

Завершая семантический анализ квазисинонимических причинно-следственных конструкций, Надежда Баировна представляет итоговую схему, отражающую 6 уровней их дифференциации.

Систему целевых конструкций составляют дифференцированные семантические группы непосредственной, общей, оценочно охарактеризованной цели, и антицели. Автор указывает, что в основе их образования лежат конструкции прогноза и конструкции причины. Затем система целевых конструкций пополняется конструкциями специализированной целевой семантики с эмоционально-оценочными компонентами. Структурная схема на с. 181 завершает семантическую классификацию квазисинонимических конструкций цели.

Конструкции условия и уступки анализируются с опорой на работы В. С. Храковского. Условные конструкции подразделяются на реальные (потенциальные), выражающие реальное, выполнимое условие, и ирреальные (контрфактивные), выражающие нереальное, невыполнимое условие. Уступительно-противительные отношения специализированы: в них обязательно присутствует уступительная частица *шьэ* и скрепа *аад*.

Как и в темпоральном блоке, выявлялись конструкции, удовлетворяющие экстралингвистическим параметрам. Наиболее универсальным и востребованным параметром оказалось стилевое предпочтение. Конструкциям книжного стиля противопоставлены конструкции разговорного стиля. Автор отмечает также переход ранее диалектных средств в современный литературный язык: это конструкции с частицей *һаа*.

Среди семантических оппозиций важным дифференцирующим признаком была оценка (положительная / отрицательная, количественная / качественная). Рассматривалось акцентирование выражаемого значения, степень приложимости усилий, а также временной интервал и оппозиция по семантической сочетаемости зависимых предикатов с определенным кругом глаголов в главной предикативной единице (ГПЕ). Диссертант отмечает, что большим количеством разнообразных семантических оттенков характеризовались конструкции причины.

В четвертой главе «Дифференциация квазисинонимических конструкций сравнения, образа действия, меры и степени» (дисс. с. 210-257) анализируются конструкции, составляющие, по мнению диссертанта, периферию обстоятельственных отношений в бурятском языке. Надежда Баировна отмечает, что основными носителями семантики являются послелого, частицы, деепричастия. За каждым семантическим типом закреплена определенная причастная форма, что отличает конструкции этого блока обстоятельственных отношений от рассмотренных ранее. Выделяется особый структурный и семантический подтип бифинитных конструкций со скрепами на базе глагола говорения. Специализированное назначение таких конструкций автор усматривает в вербальной интерпретации невербального знака. Через стратегию цитирования они устанавливают отношения между некоторым событием и его культурным стереотипом, зафиксированных, например, в пословицах и поговорках (дисс. с. 258).

В пятой главе «Дифференциация квазисинонимических конструкций присоединения, сопоставления, предпочтения и соответствия» (с. 258-303) рассматриваются ППК с присоединительными и сопоставительными отношениями между частями, осложненными различными дополнительными значениями (градационным,

оценочным и т.д.). Данные конструкции также организуются в микрогруппы с квазисинонимическими отношениями внутри: присоединения-сопоставления с превышением ожиданий, сопоставления со сравнительной оценкой, пропорционального соответствия, сопоставления-предпочтения, соответствия полученной / переработанной информации, соответствия социальным нормам или индивидуальным стереотипам.

Интересны наблюдения автора по структуре рассматриваемых ППК. Пожалуй, впервые в диссертации появилась структурная интерпретация составляющих ППК Надежда Баировна отмечает, что в этой группе конструкций на передний план выходят исходный и орудный падежи, тогда как в темпоральных системообразующим являлся дательно-местный, а в конструкциях обусловленности – исходный.

В Заключении подведены итоги проведенного исследования.

Несомненно, большим достоинством работы является богатство используемого материала. Это не только выборка из литературных и фольклорных текстов, но и записи устной речи. Соискатель хорошо владеет методикой анализа семантики рассматриваемых конструкций, что позволяет ей выделить ряд значений, проявляющихся только в определенных синтаксических конструкциях.

Несмотря на достоинства данной работы, у нас имеется ряд замечаний.

1. Некоторые из положений, выносимых на защиту, имеют общий характер. Положение первое, второе, третье, пятое, восьмое отражают теоретические положения, которые уже выработаны и использовались при анализе синтаксиса сибирских языков.

2. Надежда Баировна пишет (дисс. с. 11): «Всю систему оппозиций сложного предложения можно представить в виде “дерева” с несколькими уровнями». Заметим, что алгоритм описания темпоральных ППК и иллюстрирующие их схемы ‘дерево значений’, ‘семантическое дерево’ представлен и в работах по якутскому, тувинскому и другим сибирским тюркским языкам (см. Н. Н. Ефремов [1984:72], Л. А. Шамина [1987: 98:]).

3. Поиск возможных семантических дифференцирующих параметров для бурятских ППК можно расширить не только используя данные русского языка и данные «из типологических работ – Dixon, Aikhenvald [2009], Hetterle [2015], Thompson & Longacre [2007/1995]» (дисс. с. 12), но и включив работы по исследованию аналогичных конструкций сибирских языков: тюркских, финно-угорских, тунгусо-маньчжурских.

4. На с. 15 диссертации указывается, что «К обстоятельству традиционному относятся конструкции “междувременности”». Хотелось бы уточнить в какой традиции к блоку обстоятельных относятся конструкции “междувременности”? Прояснила бы ситуацию и структурная схема ППК междувременности: выделить ГПЕ, ЗПЕ, показать ту часть ППК, которая репрезентирует междувременность.

5. Формулировка задачи № 1 «провести полную инвентаризацию и классификацию всех ППК обстоятельного типа в бурятском языке (дисс. с. 15) вызывает вопрос: какую классификацию (структурную, семантическую) и что инвентаризировать планирует диссертант?

6. Сформулированная теоретическая проблема (дисс. с. 16), заключающаяся в необходимости выработки терминов описания выявленных семантических оппозиций, никак не акцентирована ни в положениях, выносимых на защиту, ни в общем заключении по диссертации.

7. Одним из методов исследования в диссертации назван метод «моделирования структуры и семантики сложного (полипредикативного) предложения, позволяющий представить множество речевых реализаций в виде абстрактного образца с конкретной структурой и семантикой» (дисс. с. 21). Этот метод в работе не используется. Автор анализирует семантику моделей, уже выявленных другими исследователями ранее. Структурной классификации ППК в диссертации не проводилось специально. При чтении работы возник вопрос: все же семантика конструкций ЧЕГО рассматривается в работе: ЗПЕ?, сказуемого ЗПЕ? Или ППК в целом?

8. Вызывает сомнение новизна термина квазисинонимия, который, как сказано в диссертации на с. 30, Надежда Баировна заимствовала из работы Ю. Д. Апресяна «Мы заимствовали некоторые термины и положения, изложенные в монографии, в частности, неточные синонимы он называет квазисинонимами. В нашей работе синонимические конструкции, различающиеся тонкими оттенками выражаемых значений, вслед за Апресяном Ю.Д. мы называем квазисинонимическими».

9. Возражения вызывают также ссылки почему-то на более поздние работы исследователей синтаксиса языков сибирского ареала. Так утверждение о том, что М. И. Черемисина пришла к выводу, что «весь механизм полипредикации в этих языках общий» только в 2002 г. (дисс. с. 26) весьма далек от истины. Эта мысль была высказана М. И. Черемисиной в работах 1978-1979 гг.: «О перспективах и первых результатах коллективного сопоставительно-типологического исследования сложного предложения в языках разных систем» // Способы выражения полипредикативности. Новосибирск 1978. с.3-18; «Некоторые вопросы теории сложного предложения». Новосибирск. НГУ.1979.

10. Замечания по техническому оформлению текста диссертации: отсутствие библиографических ссылок в списке зарубежных исследователей-монголоведов (дисс. с. 27), отсутствуют расшифровки аббревиатур (см., например, ЗЧ на с. 132), нет переводов послелогов, конструкций (см. дисс. с. 212-213).

11. Удивила формулировка: «Поскольку эти конструкции многозначные, и значение причины в них прочитывается при определенном лексико-грамматическом наполнении, они рассматриваться здесь не будут» (дис. с. 133). Нам интересно было бы узнать, в каких случаях реализуется значение причины в многозначных конструкциях? Тем более, что в работе Е. К. Скрибник [1988:147] сказано, что «...отношения, выражаемые во фразах с их участием [Л.Ш.: речь идет о деепричастиях], могут пониматься очень по-разному в зависимости от лексического наполнения фразы, грамматических особенностей главного и зависимого сказуемого, контекста, просто внеязыкового опыта. У них есть более типичные значения, но это не значит, что они не могут передавать и других типов отношений».

Кстати сказать: в тувинском языке деепричастие на =*gaa* может выражать либо темпоральные, либо причинные отношения в зависимости от того моносубъектная или разносубъектная конструкция.

12. На наш взгляд, автор довольно легко делает вывод о том, что «Техника построения этих (Л.Ш.: обстоятельственных) конструкций довольно проста: в зависимой части причастная форма + послелог как основной носитель семантики связи, в случае разносубъектности — субъект в родительном падеже и/или показатели личного притяжания, в случае моносубъектности обязательное маркирование показателем субъектного (возвратного) притяжания.» (дисс. С. 307). В тексте диссертации нет анализа структуры, показателей связи и пр. Эпизодически структура ППК дана только в главе 5. Поэтому мы не можем согласиться также с некоторыми выводами автора на с. 305, верными, но не опирающимися на соответствующий анализ в диссертации и не имеющие ссылок на работы предшественников. Структурная характеристика упорно избегается, а в выводах она появляется.

Высказанные вопросы и замечания никак не снижают общую позитивную оценку работы и не умаляют ценности диссертации Н. Б. Даржаевой, а носят дискуссионный характер.

В целом диссертационная работа Н. Б. Даржаевой выполнена на достойном научном уровне с применением комплекса методик, что обеспечивает достоверность большинства содержащихся в ней положений и выводов. Она вносит существенный вклад в развитие синтаксиса бурятского языка и, шире — монгольских языков. Опираясь на языковую интуицию, как свою собственную, так и информантов, Надежда Баировна провела поиск семантических противопоставлений, а также проверила приложимость к родному языку параметров, представленных в грамматике русского языка, в работах по монголистике.

Основные положения исследования Н. Б. Даржаевой апробированы в научных докладах на региональных, межрегиональных и всероссийских конференциях, отражены в 47 публикациях, в том числе в 15 статьях, опубликованных в журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией РФ; в 4 монографиях (2 из них в соавторстве с Е. К. Скрибник; 1 монография написана коллективом авторов). Особо следует отметить синтаксическую грамматику бурятского языка, один из авторов которой была Надежда Баировна.

Автореферат отражает основное содержание диссертационного исследования.

Заключение:

Диссертация Надежды Баировны Даржаевой «Квазисинонимические обстоятельственные конструкции в бурятском языке», представляет собой цельное, законченное исследование и соответствует критериям, установленным постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года, № 842 (пп. 9,10,11,13,14) «Положения о порядке присуждения ученой степени», а автор заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (урало-алтайские языки).

Отзыв составлен д.ф.н., гл.н.с. сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН Л. А. Шаминой. Отзыв обсужден и утвержден на заседании Сектора языков народов Сибири ИФЛ СО РАН в качестве официального внешнего отзыва ведущего учреждения.

Протокол заседания Сектора языков народов Сибири ИФЛ СО РАН № 3 от 05.09.2019г.

Главный научный сотрудник
Сектора языков народов Сибири
Института филологии СО РАН
д. филол. н.

 Л. А. Шамина

Зав. сектором языков народов Сибири
Института филологии СО РАН
д. филол. н.

 Н. Н. Широбокова

Федеральное государственное бюджетное
Учреждение науки Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии
наук (ИФЛ СО РАН)
ул. Николаева, 8, г. Новосибирск, 630090
Тел. +7(383)3308469
Факс +7(383)3301518
E-mail: ifl@philology.nsc.ru,
Официальный сайт: www.philology.nsc.ru

